

Т.Л. Воробьёва

МОЛОДЕЖНЫЕ ЧИТАТЕЛЬСКИЕ ПРАКТИКИ В ТОМСКЕ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX в.)¹

Аннотация. Рассмотрены читательские практики томской молодежи конца XIX – начала XX в., составляющей наиболее активную группу формирующейся в этот период массовой читательской аудитории. Доказывается, что рост учебных заведений и библиотек обусловил формирование студенческой субкультуры чтения с присущими ей потребностями и читательскими интересами. Выявляются продуктивные формы читательской самоорганизации в молодежной среде.

Ключевые слова: массовый читатель, субкультура чтения, читательская самоорганизация, ядро чтения.

Социально-экономические преобразования в России на рубеже веков (конец XIX – начало XX в.) коренным образом изменили облик читательской аудитории этого периода. Изменился не только количественный, но и качественный состав читателей, пополнившийся представителями средних слоев городского населения, которые ощутили необходимость в приобщении к грамоте. Именно в этот период формируется массовый читатель, который в культурном плане характеризуется не столько низким образовательным уровнем, сколько осознанной потребностью в чтении как средстве для самообразования или времяпрепровождения. На первый план выдвигается самая многочисленная и активная читательская группа учащейся молодежи, составляющая в Томске в последние десятилетия XIX в. от 60 до 85% от общего числа читателей [1].

Предпосылками появления широкой молодежной аудитории в этот период стало бурное развитие сферы образования и рост учебных заведений: гимназий, семинарий, училищ, открытие Томского императорского университета, Технологического института.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Томской области в рамках научного проекта 16-14-70001 «а/р».

В прямой зависимости от увеличения количества учебных заведений растет и число библиотек. Исследователь Т.П. Карташова отмечает: «В начале XX века Томск был единственным за Уралом городом, имевшим три высших учебных заведения. Высокий статус университетского города способствовал формированию новой для Сибири социокультурной среды, в которой студенчество занимало определенное место со своими нуждами, потребностями и читательскими интересами» [2. С. 55].

Сословный состав томского студенчества на рубеже веков был достаточно демократичным, что было обусловлено вовлечением в образовательную сферу представителей непривилегированных сословий. В Томский университет было разрешено поступать выпускникам духовных семинарий, реальных и коммерческих училищ, кадетских корпусов, большую долю обучавшихся в них составляли дети мещан, крестьян, сельского духовенства. По сравнению с Московским университетом, в котором преимущественно обучались дети дворян и чиновников (44,9%), мещан (18,8%), почетных граждан и купцов (16,9%), в Томском университете преобладали представители духовенства (44%), достаточно высок был удельный вес мещанства, а детей дворян и чиновников было существенно меньше (18,9%). «В силу этого состав студентов Томского университета может быть определен в значительной степени как разночинский» [3. С. 118]. Еще более демократичным был студенческий состав Томского технологического института, где, по сравнению с университетом, «было меньше детей дворянства и духовенства, но больше сыновей крестьян и мещан» [Там же].

Таков в социальном аспекте массовый молодежный читатель этого периода, вовлеченный в образовательный процесс и формирующий свою субкультуру чтения с присущими ей читательскими предпочтениями. «Ядро чтения» студенчества составляла не только учебная и научная литература, востребованная в процессе обучения, но и нелегальная социально-политическая литература. Так, хранящиеся в отделе редких книг Научно-технической библиотеки Томского политехнического университета книжные собрания студентов начала XX в. содержат труды К. Маркса, К. Каутского, со-

чинения Н.А. Добролюбова и Н.Г. Чернышевского, «Анархию» М.А. Бакунина и др. Это было обусловлено тем, что «среди технологов было много убежденных революционеров, проводивших агитационно-пропагандистскую работу в студенческой и рабочей среде» [4. С. 253]. Книги социал-демократического и марксистского содержания интересовали молодых читателей, ищущих свое место в жизни и аргументы в пользу правильности своего формирующегося материалистического мировоззрения, основными чертами которого были атеизм и радикализм. Подобную запрещенную литературу распространяли частные агенты, она составляла «львиную» долю изданий в нелегальных студенческих библиотеках.

В своих неопубликованных воспоминаниях «Из жизни студентов Томского университета до 1900-х годов» известный сибирский врач-гигиенист К.М. Гречищев приводит интересный факт создания такой нелегальной библиотеки, которая функционировала во времена его студенческой жизни. «Студенты, поступающие в Томский университет, особенно студенты с семинарским образованием, приезжали в Томск в значительном своем числе не только заряженные желанием получить специальное высшее профессиональное образование, но и расширить свой общий кругозор знаний, чтоб стать сознательными сынами отечества и полезными общественными деятелями.

Однако богатейшая фундаментальная библиотека Томского университета разочаровывала эту часть студентов. Библиотека оказывалась «оскопленной». Основные руководства по социологии, политической экономии, государственному праву, даже по естественной истории были изъяты из нее и попали в особое, запретное для студентов книгохранилище» [5. Л. 18]. Оценив это положение, инициативная группа студентов из пяти человек решила устранить подобную несправедливость, предоставив возможность интересующимся студентам пользоваться запрещенными литературными источниками. Для этого в помещение, где была спрятана запретная часть библиотеки, был проделан секретный лаз, через который один или два человека из указанной группы проникали в книгохранилище, отбирали там книги и затем по

установленному знаку с предосторожностями передавали их своему товарищу в тайник. В итоге созданная нелегальная библиотека функционировала в течение 1894–1899 гг. и насчитывала в своем фонде не менее 300 книг [5. Л. 20].

Этот пример является показателем читательской самоорганизации студенчества с характерными для него формами самоопределения, выживания, рефлексии, поиска своей социальной и культурной идентичности. Как отмечает историк А.Е. Иванов, для учащейся молодежи конца XIX – начала XX в. характерна академическая субкультура студенческой корпорации, воплощаемая в деятельности землячеств, организации нелегальных библиотек, издании студенческих газет и журналов [6]. Такие самодеятельные общественные организации носили просветительский характер, были школой гражданского самосознания и общественного поведения для молодежи, в то же время формируя ее читательские потребности и устойчивый интерес к чтению. Именно студенческая аудитория являлась читательской группой, наиболее заинтересованной в том превращении культурного капитала в социальный, который осуществляется в процессе чтения.

В рассмотрении читательских практик рубежа веков особый интерес представляет функционирование собственных библиотек при студенческих землячествах, организованных на паевых, кооперативных началах. О массовом распространении этих негласных форм студенческих организаций в России начала XX в. свидетельствует тот факт, что только в Московском университете в 1912 г. насчитывалось 150 землячеств, в Петербургском университете действовало 62 землячества, объединивших 1 581 человека, или 16% студентов [7. С. 44, 72]. В русле общероссийской тенденции в Томске с появлением вузов возникают Тобольское, Забайкальское, Енисейско-Красноярское, Иркутское и другие землячества, в рамках которых создаются библиотечные комиссии, контролирующие деятельность библиотек. На общем собрании принималось положение о правилах пользования библиотекой и условиях ее пополнения новыми изданиями за счет пожертвованных книг и литературы, приобретенной на отчисления от членских

взносов и некоторые поступления от коммерческой деятельности землячеств. Как вспоминает К.М. Гречищев, который был главным библиотекарем в землячестве при Томском университете в 1897–1898 гг., «в общем для развития библиотеки путем покупки книг оказывались иногда немалые средства. Бывали месяцы, когда книг покупалось на 100 рублей. О покупке главный библиотекарь докладывал Совету землячества, представляя списки купленных книг. И должен сказать, бывали случаи, когда совет землячеств не одобрил приобретения библиотекой некоторых книг» [5. Л. 20а]. В обязанности библиотекаря входила и вербовка новых членов, привлекаемых посредством беседы и рекомендации определённых изданий, непосредственно доставляемых их потенциальному читателю.

Таким образом, эффективность работы библиотеки в значительной степени зависела от агитационной энергии библиотекарей. Тем не менее «всегда был живой спрос на книги, представлявшие большой интерес для студенчества. К ним относились издания по социологии, политэкономии, естествознанию и художественной литературе» [Там же]. Проявляли интерес студенты и к современным журналам. Так, в протоколе заседания правления Иркутского землячества от 10 марта 1913 г. зафиксировано сообщение тов. Аулецкого о том, «что им выписано журналов («Русская мысль», «Завет», «Русское богатство» и «Современный мир») и куплено сборников («Знамя», «Земля», «Шиповник», «Северные записки») всего на сумму 22 руб. 77 коп.» [8. Л. 52].

Типологической чертой массового читателя конца XIX – начала XX в. является интерес к информации разностороннего характера: от повседневных событий городской жизни до мировых новостей, освещаемых в газетах, от публикации материалов для самообразования во всевозможных брошюрах до развлекательного, «легкого» чтения, заполнившего в этот период книжный рынок.

Характерно, что во многих студенческих библиотеках землячества этот читательский интерес вызвал появление разделов художественной литературы. В Иркутском землячестве на повестку общего собрания в 1913 г. был вынесен вопрос о создании, наряду с научной, беллетристической (художественной) библиотеки, при

этом баллотирование предложения о ее необходимости получило единогласное положительное решение [8. Л. 42]. Уже через год ввиду увеличившегося количества художественных книг было даже предложено снять отдельную квартиру для беллетристической библиотеки, но этот вопрос убрали из повестки заседания правления как практически не осуществимый [Там же. Л. 87–88].

Таким образом, важно отметить, что молодежные читательские практики этого периода были связаны не только с традиционным учебным или социально-политическим чтением, но и с формами досуга, реализуя разнообразные познавательные и развлекательные цели. Анализ каталогов томских публичных, ведомственных библиотек начала XX в. свидетельствует о достаточно разнообразной литературе, представленной в распоряжение читателей. Как правило, беллетристический раздел включал сочинения отечественных (В.А. Жуковского, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, А.Н. Островского, И.С. Тургенева, Ф.М. Достоевского, И.А. Гончарова, Н.С. Лескова) и зарубежных классиков (В. Шекспира, Д.Г. Байрона, Г. Гейне, В. Гюго, Ч. Диккенса, Э. Золя), а также публикации произведений современников (рассказы и повести А.П. Чехова, В.М. Гаршина, Л.Н. Андреева, М. Горького, И.А. Бунина, А.И. Куприна, М.П. Арцыбашева, И.Н. Потапенко, Н.Н. Златовратского, Н.Д. Телешова) [9–11]. Однако, как отмечал в своем исследовании А.И. Рейтблат, утилитаристский подход к художественной литературе нередко приводил к тому, что «написанным на высоком художественном уровне, сложным и неоднозначным произведениям И.С. Тургенева, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого молодежь часто предпочитала дидактические и одномерные, но выполненные в «прогрессивном духе» романы Н.Ф. Бажина и А.К. Шеллер-Михайлова» [12. С. 20].

Формирующаяся на рубеже веков новая культурная парадигма массовой литературы, обусловленная социальной стратификацией общества и расширением читательской аудитории, во многом определила эстетические предпочтения молодежи того времени. В газете «Сибирская жизнь» за 1903 г. опубликована интересная статистика, касающаяся читательских предпочтений подписчиков

Томской бесплатной библиотеки, более половины которых, согласно приведенным данным, составляли учащиеся, причем их число за период с 1898 по 1901 г. выросло почти втрое (с 545 человек до 1550). Задавшись поиском ответа на вопрос: что читают, чего ищут в книгах и что больше всего возбуждает в них интерес у подписчиков, автор статьи Антропов приводит факты, подтверждающие преобладание потребности читателей в беллетристике, или «легком чтении». Требования по отделу изящной словесности растут в несоизмеримых пропорциях: «за 3 года число выдач по этому отделу увеличилось почти вдвое, тогда как по всем остальным отделам число выдач увеличилось только на 1/5» [13].

Анализируя данные о количестве выдач по писателям, среди которых самыми популярными и востребованными оказались Жюль Верн и В.И. Немирович-Данченко, автор подчеркивает, что приводимые факты в высшей степени показательны: «...они наглядно иллюстрируют вкусы и умственные запросы подписчиков библиотеки», которые ищут в книге «не поучения, не ответов на «вопросы жизни», а приятного развлечения в часы досуга». Характерно, что в качестве главных предпочтений читателей названы в первую очередь черты, характеризующие массовую литературу, – «эффектность, фантастичность и лубочная яркость красок повествования» [Там же]. Об этом же свидетельствует и приводимый в статье факт возрастания за 1902 год количества выдач книг таких авторов, как П.Д. Боборыкин, И.Н. Потапенко, Д.Л. Мордовцев, Ю. Крашевский и др. «?Человек из народа? еще не научился понимать литературное произведение с его художественной и социальной стороны и интересуется им главным образом с точки зрения его увлекательности и действия на воображение», – подводит итог своим размышлениям о читателе автор публикации [Там же].

Подобная ситуация с читательскими интересами характеризуется и в обзоре деятельности библиотек в адресно-справочной книжке «Весь Томск» за 1911–1912 гг. Приводимые в ней данные подтверждают размытость эстетических критериев читателей этого периода, запросы которых наряду с классикой обращены к массовой литературе начала века. «Из книг более всего читают Тол-

стого (531 запрос), Амфитеатрова (522), Вербицкую (341), Арцыбашева (218), Андреева (206)» [14. С. 147]. Беллетристика начала века, в духе модернистской эстетики и этики поднимающая запретные темы взаимоотношения полов, безграничной свободы личности, отвечала духовным запросам читающей молодежи и пользовалась у «детей рубежа веков» (А. Белый) скандальной популярностью.

Читательские интересы томской молодежи в этом отношении мало чем отличались от круга чтения студентов столичных вузов. Так, например, в обзоре центральных журналов, приведенном в газете «Утро Сибири» за 23 декабря 1911 г., автор отмечает, что «современное студенчество ищет прежде всего удовлетворения духовной потребности в художественной литературе». Согласно данным, собранным комиссией студенческой библиотеки Санкт-Петербургского технологического института, «в искании художественной литературы студенчество чутко отражает все колебания «моды». Тут... встречаются и «Гнев Диониса, и «Конь бледный», Ремизов, Арцыбашев, Сокологуб, Андрей Белый, Кузьмин, Вербицкая и проч.» [15].

Характеризуя молодежные читательские практики рассматриваемого периода, нельзя не отметить еще одну тенденцию массового чтения – повальное увлечение молодых читателей детективной литературой, «пинкертоновщину», ставшую общероссийской традицией. В своих воспоминаниях об этом периоде житель Томска писал: «Я очень любил читать книги, иногда читал до 12 часов ночи. Из-за этого чтения я однажды чуть не устроил пожар. Была у меня толстая интересная книга автора Рокамболь, где подробно описывались река Темза, лондонские трущобы и все, что там творилось. Еще увлекались “Пинкертоном”, “Ником Картером”, “Шерлок Холмсом” и др., эти книжечки стояли по 5 коп. Родители мне запрещали читать после 11 часов, и я устраивался в своей кухне так: стол закрывал одеялом, под столом приспособливал керосиновую лампу, а сам с книжкой там уселся. Сколько прошло времени, не знаю, только отец меня вытащил сонного, одна ножка стола, доска и часть одеяла затлела, а я весь был в саже. Ну, конечно, после этого случая чтение по ночам прекратилось» [16. С. 10].

Пинкертон – сильный, волевой герой, реализующий себя в напряженных и опасных авантюрах, восстанавливающий нарушенный миропорядок, что сближало его с фольклорным персонажем, – стал властителем дум юношества. Несмотря на предупреждения о том, что детектив – низкопробный жанр, который «болезненно возбуждает любопытство, развращает детское воображение, будит нездоровые и зверские инстинкты, навсегда убивает охоту к художественному и идейному чтению» [17], томскую молодежь в первое десятилетие XX столетия буквально захлестнула волна сыскной литературы.

Этот читательский интерес вызвал у местных авторов стремление соответствовать вкусам массового читателя. Так, в газете «Сибирские отголоски» с 1907 г. публиковался уголовно-бытовой роман конторщика Управления Томской железной дороги В.В. Курицына, скрывавшегося под ироничным псевдонимом «Не-Крестовский». Само название его приключенческого романа «Томские трущобы» привлекало читателя описанием «дна» дореволюционного Томска, купеческого и босяцкого, равно погрязших в преступлениях. И хотя роман не отличался особыми литературными достоинствами, он стал местным бестселлером и активно обсуждался повсюду, особенно в молодежной среде. Следуя принципу серийности, характерному для массовой литературы, автор вслед за этим создает другие произведения с не менее интригующими названиями: «Человек в маске», «Томский Шерлок-Холмс». В некрологе на безвременную смерть романиста Георгий Гребенщиков с горечью писал: «Был спрос, и – к стыду Томска – большой, на романы Не-Крестовского, и он давал их. Этот спрос на лубочный товар служит лучшим примером того, как поэт В.В. Курицын не нужен был томичам, что как поэта его не хотели знать и не знали» [18].

Однако молодежные читательские практики в Томске конца XIX – начала XX в. не были однородными: наряду с массовыми запросами формируются читательские группы, в которых пробуждается интерес к серьезной и хорошей книге, научной и художественной. Примером этого становится появление в Томске литера-

турного и общественно-политического журнала «Сибирский студент», издававшегося ежемесячно с 1914 по 1916 г. Его редактор – известный общественный и политический деятель, публицист и этнограф Михаил Бонифатьевич Шатилов, имя которого носит сегодня областной краеведческий музей, – в духе областничества поставил цель: объединить творческие студенческие силы будущих строителей Сибири, ибо «студенчество – это отражение общественного целого, его барометр» [19]. Ориентацией на прогрессивно настроенную молодежь обусловлено выделение постоянных разделов журнала, посвященных обсуждению актуальных вопросов науки и искусства, критики и библиографии, заграничной, российской и студенческой жизни. Особый интерес вызывает беллетристический раздел, где регулярно печатаются произведения формирующегося местного авторского корпуса: стихи Г. Вяткина, П. Радимова, рассказы В. Бахметьева, В. Шишкова, Г. Гребенщикова, А. Казанского и др. Несмотря на то что журнал просуществовал всего три года, его роль в литературном процессе и становлении молодежных читательских практик дореволюционного Томска была достаточно заметной.

«Отношение читающей публики к выбору книг служит прекрасным показателем общественного настроения. История читающей публики – одна из интереснейших и ярких страниц из истории общественного развития», – писал Н.А. Рубакин [20. С. 1]. Изучение молодежного чтения позволяет в целом говорить о коренных трансформациях читательской аудитории на рубеже веков, носящих не только региональный, но и общероссийский характер и во многом предопределивших «мироустроительную» функцию, которую начинает выполнять для своих читателей книга, конструирующая для них образ мира.

Литература

1. Лукьянова Л.С. Книжная культура Западной Сибири во второй половине XIX века : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1997. 23 с.
2. Карташова Т.П. К вопросу об обеспеченности студентов учебными пособиями (по материалам томской прессы начала XX в.) // Текст. Книга. Книгоиздание. 2013. № 2 (4). С. 55–65.

3. *Ищенко О.В.* Сословный состав томского студенчества в начале XX в. // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2009. Вып. 12 (90). С. 117–119.
4. *Васильева В.А.* Круг чтения студентов Томского технологического института начала XX в. // Археография книжных памятников : сб. науч. трудов. Новосибирск, 1996. С. 253–260.
5. *Гречищев К.М.* Из жизни студентов Томского университета до 1900-х гг. // ТОКМ. Ф. 1. Оп. 4. Ед. хр. 179.
6. *Иванов А.Е.* Студенческая корпорация России конца XIX – начала XX в.: опыт культурной и политической самоорганизации. М. : Новый хронограф, 2004. 408 с.
7. *Иванов П.* Студенты в Москве. Быт. Нравы. Типы. Очерки. М. : Тип. О-ва распростр. полезн. книг, аренд. В.И. Вороновым, 1903. 304 с.
8. Дело Иркутского студенческого землячества в Томске // ТОКМ. Ф. 3. Оп. 69. Д. 6.
9. Каталог книг библиотеки Томского общественного собрания. Томск, 1905.
10. Каталог книг Томской городской публичной библиотеки. Томск, 1901.
11. Каталог книг библиотеки профессионального общества работников печатного дела в г. Томске. Томск, 1913.
12. *Рейтблат А.И.* От Бовы к Бальмонту: очерки по истории чтения в России во второй половине XIX века. М. : Изд-во МПИ, 1991. 221 с.
13. *Антропов.* Томская бесплатная библиотека и ее читатели // Сибирская жизнь. 1903. № 31 (7 февр.).
14. *Чавыкин Г.В.* (G.V. Stschavikin). Адресно-справочная книжка «Весь Томск» на 1911–1912 гг. Томск : Тип. Дет. приюта и Дома трудолюбия, 1911.
15. Утро Сибири. 1911. № 13 (23 дек.).
16. *Рымарев Г.С.* Воспоминания сибиряка периода 1895–1920 гг. // ТОКМ. Ф. 1. Оп. 4. Ед. хр. 165.
17. Сибирская жизнь. 1909. № 65 (22 марта).
18. *Г.Г. <ребенищев>.* Памяти В.В. Курицына // Сибирская жизнь. 1911. № 23 (29 янв.).
19. Сибирский студент. 1914. № 1.
20. *Рубакин Н.А.* Этюды о русской читающей публике. СПб. : Склад издания в кн. магазинах Н.П. Карбасникова, 1895. 246 с.

YOUTH READING PRACTICES IN TOMSK (LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES)

Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing, 2017, 15, pp. 91–103

DOI: 10.17223/23062061/15/6

Tatiana L. Vorobyeva, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tatnick@mail.ru

Keywords: mass reader, subculture of reading, reader self-organisation, core of reading.

In the article reader practices of Tomsk youth of the late 19th – early 20th centuries, which is the most active group of the mass readership that is forming in this period, are considered. The opening of educational institutions and libraries led to the formation of the students' reading subculture with its inherent needs and reader interests. Productive forms of reader self-organisation in the youth environment were illegal libraries in student associations, the publication of their own newspapers and magazines. The formation of a new paradigm of mass literature at the turn of the century determined the reader's interest in fiction that aims to entertain and, to a certain extent, contributes to the formation of a stable habit of reading among young readers. The study of the reader practices of this period also indicates the growing interest of the youth audience in a serious, good book, scientific and artistic, a book with a "world-building function" in developing civic consciousness and constructing an image of the world for its readers.

References

1. Lukyanova, L.S. (1997) *Knizhnaya kul'tura Zapadnoy Sibiri vo vtoroy polovine XIX veka* [Book Culture in Western Siberia in the late 19th century]. Abstract of History Cand. Diss. Novosibirsk.
2. Kartashova, T.P. (2013) On textbook availability for students (by materials of Tomsk newspapers and periodicals of the early 20th century). *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing.* 2(4). pp. 55–65. (In Russian).
3. Ishchenko, O.V. (2009) Soslovnyy sostav tomskogo studenchestva v nachale XX v. [Class composition of Tomsk students in the early 20th century]. *Vestnik Tomskegos gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin.* 12(90). pp. 117–119.
4. Vasilyeva, V.A. (1996) Krug chteniya studentov Tomskegos tekhnologicheskogo instituta nachala XX v. [The circle of reading of Tomsk Institute of Technology students in the early twentieth century]. In: Dergacheva-Skop, E.I. (ed.) *Arkheografiya knizhnykh pamyatnikov* [Archaeography of Book Monuments]. Novosibirsk: SB RAS. pp. 253–260.
5. Grechishchev, K.M. (n.d.) *Iz zhizni studentov Tomskegos universiteta do 1900-kh gg.* [From the life of students at Tomsk University until the 1900s]. Tomsk Regional Museum of Local Lore. Fund 1. List 4. File 179.
6. Ivanov, A.E. (2004) *Studencheskaya korporatsiya Rossii kontsa XIX – nachala XX v.: opyt kul'turnoy i politicheskoy samoorganizatsii* [The Student Corporation in Russia of the late 19th – early 20th centuries: The Experience of Cultural and Political Self-Organisation]. Moscow: Novyy khronograf.
7. Ivanov, P. (1903) *Studenty v Moskve. Byt. Nravy. Tipy. Ocherki* [Students in Moscow. Life. Morals. Types. Essays]. Moscow: Tip. O-va rasprostr. polezn. knig, arend. V.I. Voronovym.
8. Tomsk Regional Museum of Local Lore. (n.d.) *Delo Irkutskogo studencheskogo zemlyachestva v Tomske* [The Case of the Irkutsk Student Community in Tomsk]. Fund 3. List 69. File 6.

9. Tomsk Public Assembly. (1905) *Katalog knig biblioteki Tomskogo obshchestvennogo sobraniya* [The Book Catalogue of the Library of the Tomsk Public Assembly]. Tomsk: [s.n.].
10. Tomsk City Public Library. (1901) *Katalog knig Tomskoy gorodskoy publichnoy biblioteki* [The Catalogue of Books of the Tomsk City Public Library]. Tomsk: [s.n.].
11. The Tomsk Professional Society of Typography Workers. (1913) *Katalog knig biblioteki professional'nogo obshchestva rabotnikov pechatnogo dela v g. Tomske* [The Catalogue of Books of the Library of the Tomsk Professional Society of Typography Workers]. Tomsk: [s.n.].
12. Reitblat, A.I. (1991) *Ot Bovy k Bal'montu: ocherki po istorii chteniya v Rossii vo vtoroy polovine XIX veka* [From Bova to Balmont: Essays on the History of Reading in Russia in the Second Half of the 19th Century]. Moscow: Moscow Polygraphic Institute.
13. Antropov. (1903) Tomskaya besplatnaya biblioteka i ee chitateli [Tomsk Free Library and its readers]. *Sibirskaya zhizn'*. 7th February.
14. Chavykin, G.V. (1911) *Adresno-spravochnaya knizhka "Ves' Tomsk" na 1911–1912 gg.* [The Reference Book “All Tomsk” for 1911–1912]. Tomsk: Tip. Det. priyuta i Doma trudolyubiya.
15. *Utro Sibiri*. (1911) 23rd December.
16. Rymarev, G.S. (n.d.) *Vospominaniya sibiryaka perioda 1895–1920 gg.* [Memories of a Siberian from 1895–1920]. Tomsk Regional Museum of Local Lore. Fund 1. List 4. File 165.
17. *Sibirskaya zhizn'*. (1909) 22nd March.
18. G.G.<rebenshchikov>. (1911) Pamyati V.V. Kuritsyna [In memory of V.V. Kuritsyn]. *Sibirskaya zhizn'*. 29th January.
19. *Sibirskiy student*. (1914) 1.
20. Rubakin, N.A. (1895) *Etyudy o russkoy chitayushchey publike* [Essays on the Russian Reading Public]. St. Petersburg: Sklad izdaniya v kn.magazinakh N.P. Karbasnikova.